

УДК 343.2

ВЛИЯНИЕ МТБЮ НА РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ О ФОРМЕ СОУЧАСТИЯ В СОВМЕСТНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Владимир ЛЫСЫК,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права

Львовского национального университета имени Ивана Франко

Надежда НЕДБАЛО,

аспирант кафедры международного права

Львовского национального университета имени Ивана Франко

SUMMARY

One of the main institutions of international law is the institute of criminal responsibility of individuals for crimes, including rates about complicity. Before World War II it had been developed some draft conventions in the field of international criminal law, which among other would have to settle the question of the forms of complicity in the commission of crimes under international law. The Nuremberg Charter regulate many issues related to the institution of criminal responsibility of individuals for crimes under international law. Among its provisions there were a few norms dedicated to forms of complicity. This article characterizes and describes a form of complicity as a joint crime.

Key words: form of participation, concept of joint crime, institution of criminal responsibility of individuals.

АННОТАЦИЯ

Институт уголовной ответственности физических лиц за преступления, в том числе норм о соучастии, является одним из главных институтов международного права. До Второй мировой войны было разработано несколько проектов конвенций в области международного уголовного права, которые среди прочего должны были урегулировать вопросы о формах соучастия в свершении преступлений по международному праву. Устав Нюрнбергского трибунала регулировал множество вопросов, связанных с институтом уголовной ответственности физических лиц за преступления, по международному праву. Среди его норм было несколько посвященных формам соучастия. Статья характеризует и описывает такую форму соучастия, как общее преступление.

Ключевые слова: форма соучастия, концепция совместного преступления, институт уголовной ответственности физических лиц.

Постановка проблемы. В этом году исполнилось двадцать два года с момента образования Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершённых на территории бывшей Югославии с 1991 года (далее – МТБЮ, Трибунал). Он стал первым из серии международных и интернационализированных судов и трибуналов, созданных после окончания «холодной войны». Будучи первым и наибольшим среди Трибуналов, данный орган международной уголовной юстиции внёс большой вклад в становление и развитие института уголовной ответственности физических лиц за преступления по международному праву. По большому счету именно в рамках данного трибунала была проделана большая часть работы по изучению и систематизации всего предыдущего опыта в области привлечения физических лиц к уголовной ответственности за преступления по международному праву. Одним из наиболее известных примеров влияния Трибунала на развитие международной уголовной ответственности за международные преступления и международного уголовного права в общем является выработка доктрины о формах соучастия.

Актуальность темы. Развитие института уголовной ответственности физических лиц за преступления по международному праву, в том числе норм о соучастии, осуществлялось без какой-либо системы. После окончания Первой мировой войны было предпринято несколько по-

пыток создать как постоянные, так ad hoc суды и трибуналы. Параллельно было разработано несколько проектов конвенций в области международного уголовного права, которые среди прочего должны были урегулировать вопросы о формах соучастия в совершении преступлений по международному праву. Но до завершения Второй мировой войны все эти попытки были неудачными. Первым действовавшим трибуналом был Нюрнбергский. Устав Нюрнбергского трибунала регулировал множество вопросов, связанных с институтом уголовной ответственности физических лиц за преступления по международному праву. Среди его норм было несколько посвященных формам соучастия. Например, последний пункт ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала предусматривал, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана. Аналогичную норму содержал Устав Токийского трибунала. В тоже время некоторые из форм соучастия составляли состав отдельных преступлений, в частности «участие в общем плане или заговоре в целях ведения агрессивной войны» [3]. Похожая норма была закреплена в Принципах международного права, признанных уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении данного Трибунала [4], согласно Принципу VII,

«соучастие в совершении преступления против мира, военного преступления или преступления против человечности есть международно-правовое преступление».

Таким образом, как справедливо отмечает Г. Верле, вместо проведения различия в формах соучастия, Трибуналы использовали концепцию «единой субъектности», согласно которой любая поддержка или содействие совершению преступных действий признавалась преступным соучастием [1, с. 229].

Целью статьи являются характеристика и описание такой формы соучастия, как общее преступление.

Изложение основного материала исследования. Устав МТБЮ в ст. 7 предусматривает различные виды индивидуальной уголовной ответственности.

Прежде всего, это индивидуальная ответственность лица, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступления, указанного, соответственно, в ст. ст. 2–5 Устава.

Должностное положение обвиняемого в качестве главы государства, или правительства, или ответственного чиновника не освобождает лицо от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания.

Тот факт, что любое из действий, предусмотренных ст. ст. 2–5 Устава, было совершено подчиненным, не освобождает его начальника от уголовной ответственности, если он знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или уже совершил такое действие, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких действий или наказанию лиц, которые их совершили.

То, что обвиняемый действовал согласно приказу правительства или начальника, не освобождает его от уголовной ответственности, но может рассматриваться как основание для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия.

Данные положения ст. 7 были надлежащим образом истолкованы в процессе деятельности Трибунала.

Предусмотренная п. 1 ст. 7 ответственность касается следующего:

- сознательного и умышленного участия в совместном преступлении;
- планирования, подстрекательства, приказывания, совершения или иным образом содействия или подстрекательства к планированию, совершению, подготовки к преступлению [16, р. 257].

Основанием уголовной ответственности является принцип личной вины, то есть никто не может нести уголовную ответственность за действия, которые он не совершал (*Nulla poena sine culpa*). Общеизвестно, что индивидуальная уголовная ответственность следует за совершением преступления, где установлено, что обвиняемый сам физически совершил преступный акт или оставался бездейственным, когда необходимо было действовать. И все же совершения одного из преступлений, предусмотренных Уставом в ст. ст. 2–5, может осуществляться путем участия в реализации совместного замысла [19, р. 188].

Особое место занимает мнение судьи Дэвида Ханта на вызов Ойданича относительно юрисдикции совместной преступной деятельности (JCE) [9, р. 9]. «Я доволен, что индивидуальная уголовная ответственность за участие в совместной преступной деятельности с целью совершения преступления существует как часть международного права в соответствующее время. Вызов к юрисдикции трибунала

найти индивидуальную уголовную ответственность в отношении преступлений, подпадающих под его юрисдикцию, должен потерпеть неудачу», – так прокомментировал Дэвид Хант вызов Ойданича [18, р. 2].

Апелляционная палата МТБЮ постановила, что понятие совместной преступной деятельности как формы сообщника ответственности было твердо установлено в обычном международном праве и что это было доступно в соответствии с уставом трибунала [20, р. 220].

Трибунал в процессе деятельности растолковал п. 1 ст. 7 таким образом, чтобы найти основания для ответственности индивидов за совершение преступлений, предусмотренных Уставом, где несколько человек, объединенных общей целью, осуществляют криминальную деятельность, которая затем непосредственно выполняется или всеми участниками, или отдельными лицами из группы. Независимо от того, кто вносит вклад в совершение преступления, группа лиц или некоторые члены группы, для осуществления совместной преступной цели, при определенных обстоятельствах каждый из участников такой группы может нести уголовную ответственность [19, р. 190]. Такая форма ответственности на основании п. 1 ст. 7 получила название «совместное преступление». Как отметил Трибунал: «Несмотря на то, что лишь некоторые члены группы могут физически совершать преступление, участие и сотрудничество других всегда является важным для совершения преступления. Моральная серьезность такого участия не меньше, а иногда и больше непосредственного совершения преступления» [19, р. 191].

Таким образом, Трибунал, продолжая свое мнение, установил, что привлекать к уголовной ответственности одного лишь непосредственного исполнителя означало бы умалить роль как соисполнителей тех, кто в той или иной степени сделали возможным физическое совершение преступления. При этом считать таких лиц подстрекателями и помощниками в значении п. 1 ст. 7 приведет к бессознательному уменьшению уровня их ответственности [19, р. 192]. Такое решение Апелляционной палаты было неоднократно подтверждено в дальнейшей деятельности Трибунала. Так, Трибунал указал, что перечень, предусмотренный п. 1 ст. 7, особенно в отношении терминов «помогал или подстрекал», представляется неисчерпаемым. Апелляционная палата довольна тем фактом, что совместное преступление подпадает под п. 1 ст. 7 [14, р. 19].

Важным также является тот факт, что Апелляционная палата рассматривает участие в совместном преступлении как одну из форм собственно «совершения», предусмотренного п. 1 ст. 7 [14, р. 20]. Суд в своей практике установил, что существует три категории совместного преступления.

К первой категории относятся дела, где все обвиняемые, действуя в соответствии с совместным замыслом, обладают тем самым преступным намерением; например, формирование среди соисполнителей плана убийства, где, с целью выполнения совместного замысла (даже если каждый соисполнитель выполняет отдельную роль), они все намерены убить. Объективными и субъективными предпосылками, которые служат основанием для того, чтобы привлечь к уголовной ответственности участника, который лично не убивал или если нет доказательств того, что он убивал, являются следующие:

- обвиняемый должен добровольно участвовать в одном из аспектов совместного замысла (например, совершать насилие по отношению к жертве, что не приводит к

смерти, или материально обеспечивать или содействовать деятельности соисполнителей);

- обвиняемый, даже если не лично совершил убийство, должен, тем не менее, будет ожидать (планировать) такой результат [19, p. 196].

Вторая категория дел очень сильно похожа во многих отношениях на предыдущую и охватывает дела, связанные с «концентрационными лагерями». В данном случае понятие совместного замысла применяется к случаям, где преступления, в которых обвиняется лицо, были совершены членами военных или административных единиц, таких как те, что руководят деятельностью концентрационных лагерей, т. е. группами лиц, действующих в соответствии с согласованным планом.

Разрабатывая вторую категорию дел, Трибунал рассмотрел большое количество решений, в основном вынесенных Военными трибуналами, основанными после Второй мировой войны. В деле Belsen, которое рассматривалась Британским военным трибуналом, заседавшим в Германии, было разработано три необходимые элементы для установления вины в подобных случаях: 1) существование организованной системы, направленной на плохое обращение с задержанными, и совершение различных вероятных преступлений; 2) осведомленность обвиняемых относительно природы системы, 3) тот факт, что обвиняемые активно участвовали в насильственном внедрении данной системы, т. е. поддерживали, способствовали и подстрекали или иным образом участвовали в реализации совместного преступного замысла [19, p. 202].

Данная категория дел, по существу, является подразделением первой. Обвиняемые, когда доказано, что они должны были быть, считались соисполнителями преступления из-за их объективных властных полномочий в пределах концентрационного лагеря и потому, что они были наделены властью наблюдать за вверенными им лицами и стараться сделать их жизнь удовлетворительной, но не смогли этого достичь.

В данной категории дел объективной стороной является активное участие в принудительном внедрении системы подавления, о чем можно заключить из имеющихся властных полномочий и личных функций каждого обвиняемого.

В данной ситуации элементы субъективной стороны должны включать следующее:

- знание, осознание природы такой системы;
- умышленное содействие совместному согласованному преступному замыслу, направленному на плохое обращение с заключенными.

Необходимое совместное намерение можно вывести из властных полномочий персонала. Трибунал также указал, что не нужно доказывать наличие умысла там, где высокое положение индивида указывает на знание о совместном замысле и намерение быть его участником [19, p. 203]. При этом следует отметить, что во внимание должен приниматься также уровень участия каждого из соисполнителей, поскольку это будет влиять на уровень наказания.

Особую социальную та политическую важность имеют категория дел, где одним из обвиняемых выступает человек, который занимает политическую должность. Так, например, в приговоре Суда по Сьерра-Леоне по делу Тэйлора специальный суд признал бывшего президента Либерии Чарльза Тэйлора виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечности. В обвинительном заключении против Тэйлора утверждается, что он причастен к пыткам, убийствам, нанесению физических травм, над-

ругательству над людьми, изнасилованиям, привлечению детей к боевым действиям и другим преступлениям против мирного населения Сьерра-Леоне [17, p. 4].

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун подчеркнул, что данное решение является важным событием в международной системе уголовного правосудия, поскольку оно подтверждает, что наказание за совершение военных преступлений и преступлений против человечности неизбежно [8].

26 апреля 2012 года Специальный суд по Сьерра-Леоне признал Чарльза Тэйлора виновным в пособничестве и подстрекательстве к военным преступлениям и соучастии в преступлениях против человечности. Суд указал, что Тэйлору было известно о преступлениях против гражданского населения, совершаемых повстанцами Революционного объединенного фронта (РОФ), на которых он имел «непосредственное влияние» [2].

Подобная ситуация сложилась при рассмотрении Судебной палатой дела Готовины. Судебная палата сделала вывод, что Готовина сделала значительный вклад в совместную преступную деятельность, общая цель которой заключалась в том, чтобы окончательно удалить сербов гражданского населения из страны. Судебная палата признала Готовина виновным в преступлениях против человечности, убийствах, бесчеловечных актах и жестоком обращении [11, p. 5].

Третья категория общих преступлений касается дел, основанных на совместном замысле придерживаться одной линии поведения, где один из исполнителей совершает акт, который, несмотря на то что выходит за рамки совместного преступного замысла, является, тем не менее, естественным и предсказуемым следствием осуществления совместного замысла. Примером в данной ситуации может служить совместное намерение группы насильно переместить членов одной этнической группы (в рамках проведения «этнических чисток») с мест их постоянного проживания (села, города, региона), при осуществлении которого одна или более жертв были убиты. Возможно, убийство и не предполагалось четко как часть совместного замысла, тем не менее, можно было бы предположить, что насильственное перемещение гражданских лиц могло привести к смерти одного или более из них. К уголовной ответственности привлекаются участники совместного замысла, если риск смерти был предсказуемым следствием выполнения совместного замысла и обвиняемый не учитывал этого [19, p. 204]. При этом субъективная сторона предполагает присутствие двух необходимых элементов, а именно:

- умысел принять участие в совместном преступном замысле;
- предсказуемость того факта, что при осуществлении совместного замысла могут совершаться другие преступления [19, p. 206].

Таким образом, чтобы, например, привлечь к ответственности за убийство всех лиц, участвовавших в совместном замысле, в приведенном примере, все в группе должны предусматривать такой результат. При этом необходимо больше, чем преступная небрежность. Необходимо, чтобы лицо, несмотря на то что не хотело определенного результата, предусмотрело возможность его наступления в результате действий группы и все же при этом умышленно взяло на себя данный риск [19, p. 227].

Обобщая вышеизложенное, Апелляционная камера устанавливает следующие элементы объективной сторо-

ны данного вида участия в одном из преступлений, предусмотренных Уставом, которые характерны для всех трех категорий дел:

- *множественность лиц*. При этом необязательной является их организация в форме военной, административной или политической структуры;

- *существование совместного плана, замысла или цели, которой является или которым предусматривается совершение преступления, на которое распространяется юрисдикция Трибунала* [22, р. 66]. План, замысел или цель не обязательно должны быть заранее разработаны. Совместный план или цель могут воплощаться спонтанно, и вывод о их наличии делается из того факта, что группа лиц действует синхронно с целью осуществления совместного преступления [19, р. 227]. Наличие плана не обязательно должно быть четким, может выводиться из всех обстоятельств дела [13, р. 80]. Тот факт, что двое или более лиц совместно участвуют в совершении определенного преступления, может служить основанием для установления молчаливого понимания или договоренности, которая может приравниваться к соглашению, заключенному между ними на месте и в то же время с целью совершения определенно преступного акта [6, р. 15];

- *участие обвиняемого в совместном замысле*, что предполагает совершение одного из преступлений, которые, согласно Уставу, подпадают под юрисдикцию Трибунала. Участие не обязательно должно проявляться в совершении конкретного преступления, а может просто иметь форму помощи или вклада в осуществление совместной цели или плана [19, р. 227; 12, р. 31; 21, р. 100].

Считается, что лицо лично участвует в совместном преступлении, в таких случаях:

- 1) лично совершает преступление, как главный исполнитель,

- 2) или помогает главному исполнителю в совершении согласованного преступления как соисполнитель (выполняя действия, способствующие осуществлению преступления);

- 3) действует с целью поддержки системы, при которой совершается преступление, имеет властные полномочия, знает природу системы и намерено поддерживает систему.

Так, например, в деле Милана Мартича Судебная палата установила, что индивидуальная уголовная ответственность Милана Мартича является одной из форм участия в совместной преступной деятельности [10, р. 5].

В ходе судебного преследования сторона обвинения утверждала, что Милан Мартич участвовал в совместной преступной деятельности совместно с Слободаном Милошевичем, Миланом Бабичем, Радваном Караджичем, Ратко Младичем, Джовикой Станишич, Франко Симатовичем и другими лицами. Обвинение утверждало, что общая цель была следующей: «Насильственное удаление большинства хорватов, мусульманских и других несербского происхождения лиц приблизительно от одной трети территории Хорватии и крупных деталей Боснии и Герцеговины, с тем чтобы сделать их частью нового сербского государства» [15, р. 2].

Судебная палата понимает термин «соисполнитель» как характеризующий участника совместного преступления, который не является главным исполнителем. Соисполнитель разделяет цель совместного преступления и отличается от лица, которое просто помогает или подстрекает [13, р. 77]. Если такое преступление совершается тем или иным участником совместного преступления, все остальные являются виновными в равных частях, незави-

симо от роли, которую они играли в исполнении [6, р. 2]. Прокурор должен доказать, что соисполнитель, как и непосредственный исполнитель, верил в то, что преступление будет совершено [5, р. 26; 13, р. 83]. Если для Суда недостаточно доказательств того, что обвиняемый имел те же намерения, он может рассмотреть вопрос о достаточности доказательств, для того чтобы обвиняемый понес ответственность как помощник или подстрекатель [22, р. 69]. Для того чтобы нести индивидуальную уголовную ответственность, обвиняемый должен сделать определенный вклад в осуществление совместного замысла. Существует множество путей, которыми участники совместного преступления могут сделать свой вклад. При этом термин «участие» определяется достаточно широко и может принимать различные формы. Участие может быть прямым и косвенным. Вовлеченность обвиняемого в преступление должна составлять звено причинно-следственной связи, то есть обвинению необходимо установить, что обвиняемый принимал меры для осуществления, а точнее для содействия претворению в жизнь преступного плана. При этом не обязательно, чтобы участие было *conditio sine qua non*, то есть преступление не состоялось бы без участия обвиняемого [7, р. 263].

Элементы субъективной стороны отличаются в зависимости от того, к какой категории относится совместный замысел.

1. В случае первой категории необходимо намерение совершить определенное преступление (это совместное намерение всех соисполнителей).

2. Вторая категория требует личного знания о системе плохого обращения, как и намерения содействовать данной системе.

3. Третья категория дел требует наличия умышленного участия и поддержки преступной деятельности или преступной цели группы и внесение своего вклада в совместное преступление или хотя бы в совершение преступления группой. При этом ответственность за преступление иная, чем это предусмотрено общим планом, возникает только, если, согласно обстоятельствам дела:

- можно было предположить, что данное преступление будет совершено одним или несколькими членами группы;

- обвиняемый умышленно взял на себя риск наступления таких последствий [12, р. 32; 19, р. 228; 21, р. 101].

Также важным вопросом, который рассматривался Трибуналом, было проведение различий между действиями, направленными на достижение совместного замысла, и помощью и подстрекательством. Как уже упоминалось выше, совместное преступление является формой выполнения, предусмотренной ст. 7 (1), то есть участник несет ответственность как соисполнитель преступления. Апелляционная палата установила, что помощь и подстрекательство к совершению преступления считаются такими, что влекут меньшую индивидуальную уголовную ответственность, чем собственно совершение преступления. В контексте преступления, совершенного несколькими соисполнителями в общем преступлении, помощник и подстрекатель всегда являются соучастниками соисполнителей, хотя отдельные соисполнители могут даже и не знать о вкладе помощника и подстрекателя [21, р. 102]. В решении Апелляционной Палаты по делу Василевича Трибунал установил, что разница между двумя формами индивидуальной уголовной ответственности заключается в объективной и субъективной сторонах [21, р. 102]. Трибунал по делу Тадича установил [19, р. 229] и в других подтвердил [12, р. 33;

21, p. 102] разницу между помощью, подстрекательством и действиями, направленными на совместное совершение замысла. В общем все это можно свести к таким четырем пунктам. Во-первых, подстрекатель и помощник всегда являются соучастниками преступления, совершенного другим лицом – исполнителем. Во-вторых, в случае помощи и подстрекательства не требуется доказательств существования общего, согласованного плана, не говоря уже о его предварительной подготовке. Также не требуется плана или договоренности – главный исполнитель может даже и не знать о вкладе соучастников. В-третьих, помощник и подстрекатель совершают действия, направленные на помощь, подбадривание, оказания моральной поддержки при выполнении определенного преступления, и данная поддержка имеет значительное влияние на осуществление преступления. В противоположность этому, в случае действий, направленных на выполнение совместной цели или замысла, участнику достаточно выполнить действия, которые в определенной мере направлены на продвижение, поддержку совместного замысла. И последнее, в случае помощи и подстрекательства необходимым подсознательным элементом является знание того, что действия, выполненные помощником и подстрекателем, способствуют совершению определенного преступления главным исполнителем. В случае совместной цели или замысла требуется намного большее участие, а именно: или умышленное совершение преступления, или умысел преследовать совместный преступный замысел. Кроме того, для третьей категории в дополнение к вышеизложенному должно присутствовать понимание того, что в процессе совершения совместного преступления могут быть совершены преступления, которые не входят в общий замысел.

Выводы. По мере того как Трибунал рассматривал новые дела, перед ним возникали вопросы, которые входили в пределы его компетенции. В общем его деятельность была очень плодотворной, поскольку он обобщал и систематизировал практику (судебную, в частности Военных трибуналов и государств) и теорию предыдущих лет по индивидуальной уголовной ответственности. Он фактически создал институт индивидуальной ответственности таким, каким он является сейчас, существенно развив своими толкованиями и расширив границы ответственности индивидов, обеспечив возможность того, чтобы никто из виновных в совершении преступлений не избежал наказания.

Особенно интересным с данной точки зрения является понятие совместного преступления, выведенное и детализированное Трибуналом частично на основании деятельности предыдущих судебных институтов, а частично в процессе рассмотрения собственных дел. Ответственность за совместное преступление несут индивиды в случае совершения пре-

ступления, где каждый выполняет свои специфические функции, что самое важное, обеспечивает ответственность как соисполнителей лиц, которые или не попадают под другие категории ответственности, или же попадают под недостаточно строгие, как в случае помощи и подстрекательства. Пределы действия совместного преступления позволяют привлечь к ответственности лиц, находящихся на больших расстояниях друг от друга, хотя в последних делах Трибунал несколько сузил границы действия данной концепции.

Список использованной литературы:

1. Верле Г. Принципы международного уголовного права : [учебник] / Г. Верле ; пер. с англ. С.В. Саяпина. – О. : Феникс ; М. : ТрансЛит, 2011.
2. Гаага: Тэйлор виновен в содействии военным преступлениям // ВВС. – 26 апреля 2012 г.
3. Международный военный трибунал. Приговор от 01 октября 1946 г.
4. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала : текст, принятый на второй сессии Комиссии в 1950 году и представленный Генеральной Ассамблеей как часть доклада Комиссии о работе указанной сессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml.
5. Brdanin and Talic Decision on Form of Further Amended Indictment.
6. Brdanin and Talic Form of the Second Indictment Decision.
7. Brdanin and Talic Trial Judgement.
8. Department of International Law: Peoples' Friendship University of Russia Enterprise, 28 Feb 2003 (Interlocutory Appeal).
9. General Ojdanic Appeal from Denial of Preliminary Motion to Dismiss for Lack of Jurisdiction: Joint Criminal.
10. Judgement for Milan Martić, The Hague, 12 June 2007.
11. Judgement Summary for Gotovina et al.
12. Krnojelac Appeal Judgement.
13. Krnojelac Trial Judgement.
14. Ojdanic Appeals Chamber Motion Challenging Jurisdiction.
15. Prosecutor v. Martić (IT-95-11-A) Appeal Judgement. 8 October 2008.
16. Radoslav Brdanin Trial Judgement.
17. SCSL-03-04-PT: The Prosecutor v. Sam Bockarie Withdrawal of Indictment.
18. Separate opinion of Judge David Hundof Challenge by Ojdanic to Jurisdiction Joint Criminal Interprise.
19. Tadić Appeal Judgement.
20. Tadić Conviction Appeal Judgement.
21. Vasiljević Appeal Judgement.
22. Vasiljević Trial Judgement.